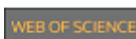

Нужная Т. В. Ориентальный пейзаж в романе Ж. де Нерваля «Путешествие на Восток» // Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 242—253. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-242-253.

Nuzhnaya, T. V. (2020). Oriental Landscape in the Novel “Journey to the Orient” by G. de Nerval. *Nauchnyi dialog*, 11: 242-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-242-253. (In Russ.).

УДК 821.133.1Nerval.07:7.047+82-1

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-242-253

ОРИЕНТАЛЬНЫЙ ПЕЙЗАЖ В РОМАНЕ Ж. ДЕ НЕРВАЛЯ «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК»

© **Нужная Татьяна Владимировна (2020)**, orcid.org/0000-0002-5662-1311, SPIN код 7139-6367, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой французского языка и литературы, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гидрометеорологический университет» (Санкт-Петербург, Россия), ta_nu@mail.ru.

Представленная статья продолжает цикл авторских исследований, выявляющих специфику восприятия и художественного воплощения различных типов пейзажного пространства во французской романтической прозе. Актуальность исследования обусловлена обращением к творчеству несправедливо забытого французского писателя Ж. де Нерваля, который в романе «Путешествие на Восток» одним из первых познакомил читателя со спецификой городского восточного пейзажа, ранее мало известной в европейской литературе XIX века. Анализ романа показывает, что Ж. де Нерваль пытался осмыслить Восток с разных точек зрения: духовной, этнографической и литературно-художественной. Отмечается, что значимость описания городского ландшафта для Ж. де Нерваля свидетельствует о его понимании важности связей между природой, культурой и цивилизацией. Отмечается, что растительный пейзаж имеет в его произведении разнообразные функции: историческую, этнографическую и национальную. В результате установлено, что Ж. де Нерваль в своем романе смог воссоздать достоверную картину Востока: его ориентальный пейзаж насыщен не только экзотическими описаниями флоры и фауны, оживлен звуками местной природы, но и имеет ценные авторские комментарии, дающие представление о национальной специфике сюжета.

Ключевые слова: французская литература; ранний французский романтизм; Ж. де Нерваль; пейзажное пространство, ориентальный пейзаж.

1. Введение

Французские романтики, в частности, Ф. Р. де Шатобриан, Ж. де Сталь, Сенанкур и Ж. де Нерваль, безусловно, стали первыми писателями в национальной литературе, которые создали новые типы пейзажного пространства, воплотив свои идеи в художественном тексте. После путешествия в Новый свет Ф. Р. де Шатобриан (1768—1848) в повести «Атала» (1801) мастерски изобразил неведомую ранее европейскому читателю экзотическую природу

Америки [Нужная, 2016, с. 148—158]. Ж. де Сталь (1766—1817) в романе «Коринна, или Италия» (1809) закладывает основу изображения архитектурного пейзажа и эстетики античных руин и развалин [Нужная, 2018, с. 81—86]. Э. де Сенакур (1770—1846) в романе «Оберман» обращает внимание читателей на красоту природы альпийских предгорий и долин [Нужная, 2019, с. 39—43]. Ж. де Нерваль (1808—1855) в «Путешествии на Восток» (1851) знакомит читателя с особенностями городского восточного пейзажа, которые ранее были мало известны в европейской литературе XIX века. Названные писатели-романтики, несомненно, разработали определенный набор основных форм и типов пейзажных зарисовок, ставших литературными архетипами и новыми мифопоэтическими комплексами, используемыми последующими поколениями художников слова.

Жерар Лабрюни, прославившийся под псевдонимом Жерар де Нерваль, стал известен благодаря своему переводу первой части «Фауста» Гете и немецкой романтической поэзии. Получив в 1834 году наследство, Нерваль решает потратить его на путешествия. Соглашаясь с основными положениями эстетики Ж. де Сталь (трактат «О литературе ...», 1796—1799), Нерваль придает большое значение влиянию географических и исторических фактов на национальный характер литературы. Именно поэтому он стремится познать и описать национальную специфику арабских стран в романе «Путешествие на Восток». Интерес Нерваля к Востоку отражен и в его поэзии, в том числе в обращении к цветочной символике, о которой он мог узнать, путешествуя по странам Передней Азии [Горбовская, 2017, с. 117—131]. Восток, так мало исследованный в XIX веке, по мнению романтиков, расширяет горизонты писателя, дает ему нечто новое и необычное. Художники искали в странах Востока подтверждение или опровержение собственных взглядов на основную теорию оппозиций «север / юг» и «восток / запад».

Интерес к Востоку появился во Франции после выхода в свет в 1704 году перевода Галлана книги сказок «Тысяча и одна ночь»: «Когда в 1704 году вышел французский перевод Сказок “Тысячи одной ночи” Галлана (*Les Mille et une Nuit. Contes Arabes traduits en francais par Mr. Galland*), это было, в известном смысле, целое откровение» [Веселовский, 1938, с. 231]. Несмотря на то, что многие из сказочных сюжетов были известны ранее и даже находили свои отголоски в средневековом творчестве, к концу XVIII века они были забыты. Детальное знакомство Ж. де Нерваля со сборником сказок «Тысяча и одна ночь» подтверждает многократное его упоминание в романе «Путешествие на Восток». Однако очарованного красотой экзотических сказок Ж. де Нерваля по прибытии в Каир в реаль-

ности ждало разочарование: *Неужели это город «Тысячи и одной ночи», столица халифов и суданов? — вопрошал я себя ... И я углубился в переплетение узких, грязных улочек, пробираясь сквозь толпу в лохмотьях, своры собак, минуя верблюдов и ослов ...* [Нерваль, 1986, с. 24].

Тщательная подготовка к путешествию не только помогла писателю избежать множества бытовых проблем, но и сформировала его восприятие восточной культуры и нравов. Нерваль всегда и везде старался вести себя в соответствии с традициями страны пребывания: носил восточную одежду, обрил голову и даже отказался от европейской кухни, наняв местного повара. С сожалением истинного исследователя он отзывается о поведении своих соотечественников: *Мне всегда очень жаль этих чопорных, безукоризненно причесанных, затянутых в перчатки джентльменов, которые опасаются слиться с толпой, чтобы рассмотреть какую-либо любопытную подробность местного колорита, танец или церемонию ...* [Там же, с. 73]. Ж. де Нерваль считал, что настоящий писатель должен не только уметь увлекательно рассказывать о чем-то, но и обладать большой эрудицией. Он со всей серьезностью пополнял свои знания о Востоке, штудирова научные работы, мемуары, записки путешественников и художественные тексты.

Научные и художественные произведения о Востоке мало были известны в то время во Франции. «Ж. де Нерваль черпал информацию из романа Жана Террасона “Сетос” (1731), из романа Томаса Мура “Эпикурец” (1827), из книги Фредерика Кройцера “Религии древности” и книги англичанина Э. У. Лэйна “Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века”», — отмечает В. А. Никитин в предисловии к русскому изданию «Путешествия ...» [Там же, с. 15]. Именно поэтому роман самого Нервала в то время стал для французов подлинным открытием восточной культуры.

2. Городской ландшафт

Не будучи профессиональным ориенталистом, Ж. де Нерваль мастерски описал в своем романе быт, нравы, традиции и пейзаж Ближнего Востока. Интересно, что в первую очередь писателя привлекла не экзотическая природа жарких восточных стран, а городской, архитектурный пейзаж. Возможно, это связано с тем, что очень мало европейских путешественников осмеливались проникнуть вглубь страны и погрузиться в национальную атмосферу или длительное время прожить среди местного населения, подчиняясь традиционному укладу: *Наши соотечественники согласно светским приличиям даже на Востоке ни за что не осмелятся ни появиться в местах, которые считаются неподобающими для европейцев, ни разговаривать на людях с представителем низшего класса, ни*

прогуливаться в определенное время дня одетыми не столь тщательно, как подобает [Там же, с. 73].

В романе Ж. де Нерваля именно городской ландшафт подчеркивает национальный колорит и взаимосвязь специфики зодчества с географической средой обитания человека. В жарких странах люди вынуждены строить высокие каменные дома с многочисленными галереями и переходами, способными сохранить прохладные уголки под палящими солнечными лучами: *не застекленные затейливые оконные переплеты были открыты вечернему ветру и ночной сырости* [Там же, с. 34]. К таким постройкам вполне приспособились местные жители, а европейские путешественники в подобных условиях часто страдали различными заболеваниями. Специфику строительства домов в южных и северных странах подмечают и другие французские писатели, например, О. де Бальзак в романе «Серафита» описывает деревянную застройку в северной Норвегии начала XIX века. От тяжести снегов дома норвежцев защищают длинные доски, уходящие далеко от крыши и прикрепленные к столбам, благодаря чему вокруг жилища образуется крытая галерея с ведущей к дверям высокой деревянной аркой, покрытой ноеве, кровлей из березовой коры. И внутри такого дома «сцена гармонии и отдыха в комнате, с единственным тщательно закрытым окном, представляет собой райскую картину», — пишет в своем диссертационном исследовании Н. В. Решетняк [Решетняк, 2007, с. 167].

Отмечает Нерваль и влияние жаркого климата на сон человека: здесь обычно снятся тяжелые сны и даже кошмары. Сам автор *видел во сне всех див и вырвавшихся из цепей великанов со времен царя Соломона* [Нерваль, 1986, с. 36] и связывал это явление не столько с разыгравшимся воображением, сколько с влиянием природы, главным образом, воздействием жары.

Культурно-историческая концепция, основанная на признании существенных отличий между нациями и народами, живущими в разных географических, климатических и, соответственно, социально-исторических условиях, оформилась уже в работах Ж. де Сталь. Эти идеи были изложены писательницей в эссе «О Германии» и «О литературе», а сформулированы под воздействием принципов географического детерминизма, выдвинутых Ш. де Монтескье в работе «О духе законов», и идей Д. Вико, представленных в произведении «Основания новой науки об общей природе наций». Вслед за Ж. де Сталь, отчетливо обозначившей влияние погодных условий на характер и психологическое состояние человека, Нерваль замечает, что вечное лето *не делает жизнь неизменно радостной* [Там же, с. 64]. Очень часто дневной свет застилает унылая пелена пыли: *Густая пыль, заволакивающая горизонт, никогда не превращается в облака, несущие свежесть, по-*

добно нашим туманам: красному диску солнца, достигшего зенита, словно вышедшему из ливийской кузницы бога Птаха, с трудом удастся пробиться сквозь пепельно-серую пелену [Там же]. В соответствии с той же идеей влияния климата на национальный характер строится высказывание одного из героев романа — Сулеймана-ага, сравнивающего европейских женщин с *чахлыми, бесцветными зимними растениями болезненного вида* [Там же, с. 39].

Топографически точные описания Каира приводит в своем романе Ж. де Нерваль. У него, как и у Шатобрена в произведении «Атала», где можно встретить не только пространственные ориентиры (север / юг, вверх / вниз по течению), но и четкие данные о ширине, длине и глубине речных форм Миссисипи, разворачивается перед читателем реальная панорама Каира и его окрестностей. Автор как будто стремится нарисовать карту города, оживляя этот пейзаж различными звуками: *Голос турка, поющего на минарете соседней мечети; звон колокольчика и тяжелая поступь верблюда, проходящего мимо окон, а иногда его оглушительный рев; неясный шорох и свист, от которых оживают и дерево, и камень, и сам воздух ...* [Там же, с. 63].

Эстетические принципы романтизма, которыми руководствовался писатель: не холодное копирование природы, а следование воображению, фантазии — позволили Нервалю создать именно художественный текст, а не просто записки путешественника. По справедливому замечанию В. А. Никитина, «стремление к художественности явно преобладает у Нерваля над потребностью методично, скрупулезно воспроизводить перипетии собственного, не всегда богатого на яркие события путешествия» [Там же, с. 16]. В описании городского пейзажного пространства Ж. де Нерваль мастерски использует метафоры и олицетворения: *Вдали остался виден лишь Нил, а на нем — тысячи лодок, которые оставляли за собой на водной глади серебряную паутину...* [Там же, с. 95]. С высокой террасы Нерваль разглядывает ночной город, описывая, как в момент праздничной иллюминации «оживают» старые здания, «зажигаются» купола мечетей и «вспыхивают» минареты. Эти приемы возводят «Путешествие на Восток» в ранг художественных текстов, а архитектурный пейзаж не кажется сухим перечислением кварталов, рек, улиц и строений.

Поддался Нерваль и характерному для романтиков очарованию древних руин и развалин старинных зданий. В отличие от романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» в «Путешествии на Восток» обращение к руинам у Нерваля не становится самостоятельным композиционным элементом характерологического или сюжетного уровня, но несет в себе важное культурологическое содержание. Описать городской восточный пейзаж невоз-

можно, не уделяя внимания архитектурным памятникам древности, в изобилии представленным в Египте. Нерваль сожалеет о разрушении столь значимых культурных объектов и *оплакивает еще одно уходящее от нас полное поэзии прошлое* [Там же, с. 95]. Мотив руин в романе Нерваля не только соединяет прошлое и настоящее, но и дает автору возможность рассуждения о будущем восточных стран. В его представлении *Восток былых времен донашивает обветшалые одежды, доживает свой век в древних дворцах, с трудом сохраняя старые нравы* [Там же, с. 154]. Прошлое с его архитектурными памятниками и развалинами привлекает писателя, открывая ему множество тем для осмысления. Древность и восточная мифология выступают для Нерваля как категории прекрасного и расширяют пейзажное пространство романа.

В воспоминаниях о древнем Египте у Нерваля, как и у Шатобриана, присутствует глубокая грусть, навеянная панорамой гробниц и дворцов, которые он называет *вечным обращением к страданиям и могилам, запечатленным в памятниках* [Там же, с. 64]. И здесь в описании развалин «руинизированный» пейзаж оживляется приемом олицетворения: один сохранившийся от разрушенного храма Солнца обелиск, *словно забытый часовой, стоит на равнине, возвышаясь в чаще пальм и смоковниц, притягивая к себе взоры бога, которому некогда поклонялись у его подножия* [Там же, с. 64] (*comme une sentinelle oubliée; il se dresse au milieu d'un bouquet touffu de palmiers et de sycomores, et reçoit toujours le premier regard du dieu que l'on adorait jadis à ses pieds* [Nerval]).

В городской панораме Каира мягко переплетаются всевозможные виды ландшафта: зеленые сады Шубры гармонично оттеняют *целый город из длинных рядов мусульманских гробниц* [Нерваль, 1986, с. 94] и вид Аравийской пустыни, прерываемый горами, а красноватые воды Нила не скрывают высоты пирамид и развалин древнего Мемфиса.

3. Природное пространство в романе

Ярким восточным колоритом отмечен у Нерваля не только городской архитектурный пейзаж, но и изображение растительного ландшафта. В романе присутствует описание как дикого природного пространства, так и благоустроенного садово-паркового. Именно благодаря теплomu климату сады на Востоке имеют такую природную роскошь. Нерваль замечает: *Обитателей Востока можно критиковать за отсутствие вкуса в убранстве жилищ, но их сады безукоризненны* [Там же, с. 136]. С ботанической точностью описывает автор мало известные европейскому человеку деревья, не пренебрегая восточными эпитетами и сравнениями: густые кроны

смоковниц и эбеновых деревьев образуют *плотный шатер*, прозрачные листья банановых деревьев *сверкают на солнце, как изумруды* [Там же, с. 137], а самое *любимое Солнцем* [Там же, с. 49] деревце — земляничник — источает немислимое благоухание. С другой стороны, жаркий климат иссушает землю, и все вокруг покрывается серой пылью. Поэтому создать зеленый сад можно только вблизи водоема. Жители Востока очень берегут такие сады, сооружая в них многочисленные беседки или настилы для отдыха. Рассказывая про Розеттский сад в Каире, Нерваль называет его *цветущим оазисом среди пыльного города* [Там же, с. 59]. Отмечает автор и еще одну восточную особенность: в садах богатых султанов и пашей служители не срывают зрелые фрукты (лимоны или апельсины), чтобы яркие краски этих плодов как можно дольше радовали взор посетителей.

Любопытно рассказывает Нерваль о каирском ботаническом саде, где вместо привычных европейскому глазу теплиц для создания жаркого климата искусственно пытаются создать условия (холод и туман), чтобы вырастить северные деревья. Не без иронии автор замечает: *Правда, пока что удалось вырастить лишь один несчастный дубок, да и у того не бывает желудей* [Там же, с. 120]. Зато с индийскими видами растительности садовники преуспевают гораздо больше. Поражает воображение писателя тропическая часть сада, где *извиваются, переплетаются, вытягиваются и кривляются самые диковинные рептилии растительного мира* [Там же, с. 121] (*se tordent, s'enlacent, se hérissent et grimacent les plus étranges reptiles du monde végétal* [Nerval]). Экзотические деревья Нерваль сравнивает с мифологическими животными (змеями и драконами), а некоторые из них напоминают ему многоруких индийских богов. Именно богатое воображение истинного художника подсказывает писателю такие необычайные образы.

Благодаря зарисовкам Ж. де Нерваля можно выделить одну важнейшую особенность восточного пейзажного пространства: из-за жаркого климата на Ближнем Востоке практически отсутствует привычное для средней полосы понятие дикой природы. Поскольку оазисы могут появиться только вблизи источников воды, люди селятся рядом, ориентируясь на этот факт, и уделяют большое внимание уходу за природой. Здесь не встретишь пейзажа густых диких европейских лесов, предгорий, зеленых долин или непроходимых тропических американских джунглей. Однако Нерваль находит и описывает необычное дикое природное пространство в этих краях — это каменный лес, который расположен в пустыне неподалеку от Каира. В ущелье раскинулась бескрайняя долина, покрытая неровными столбами серого цвета — это и есть окаменелый лес. Писатель сравнивает эти упавшие зашедшие деревья с *конечностями огромных членистоногих* [Нерваль, 1986,

с. 171]. Удивительно, что такой естественный древний пейзаж произвел на Нерваля даже более сильное впечатление, чем архитектурные памятники — пирамиды: *Сорок веков их ничтожно малы перед бесстрастными свидетелями внезапно исчезнувшего древнего мира* [Там же].

Только вдоль берегов реки можно любоваться нерукотворными яркими пейзажами. Здесь появляется и первозданная растительность, и дикие животные и птицы: *пальмы здесь пышнее и раскидистее, фиговые, гранатовые деревья и тамариск отливают всеми оттенками зелени* [Нерваль, 1986, с. 172].

Солнце, луна, вода, ветер, дождь и другие объекты неживой природы всегда входили в культурный мир людей, влияли на национальные традиции, уклад и быт. Без их описания не обходится ни одно художественное произведение. Ж. де Нерваль, как настоящий этнограф, подмечает всю специфику восточных явлений природы: восход и закат солнца, цвет воды в реке, особенности ветра. Опираясь на теорию Г. Башляра, представленную в книге «Поэтика пространства» [Башляр, 2004, с. 376], можно отметить, что Нерваль создает собственные природные образы, наиболее близкие к психологии романтизма. То универсальное, что являет собой природа, совпадает у него с собственным конкретно-чувственным переживанием. Глубокое знакомство с мифологией подсказывает автору «Путешествия на Восток» уместные сравнения и метафоры: *У зари в Египте нет тех изумительных алых оттенков, которыми любишься на Кикладах или на побережье Кандии; лишь зыбкий свет предвещает появление солнца, которое неожиданно загорается на краю неба; иногда кажется, что оно бессильно сбросить свой тяжелый сероватый саван, и оно предстает бледным, лишенным лучей, словно Осирис из подземного царства* [Нерваль, 1986, с. 64].

В египетской мифологии Солнцу отводится наиглавнейшая функция. Нерваль часто персонифицирует этот природный объект. Солнце выступает у него художником: *теперь дневное светило могло проявить себя в качестве пейзажиста* [Там же, с. 46], более искусным, чем человек. Писатель использует весьма примечательный прием: окружающее природное пространство и солнце сопереживают плачущей женщине, встретившейся автору на узкой улочке: *Безмятежное спокойствие неба и причудливые узоры, которые выписывали во дворе солнечные лучи, тщетно восставали против этого красноречивого отчаяния* [Там же, с. 98]. Такая сакрализация Солнца вызвана у Нерваля общим очарованием восточным колоритом и характерной для романтиков мифологизацией природы [Нужная, 2017, с. 97—104].

Одной из репрезентаций аквамира в романе становится река Нил, по которой писатель отправляется в путешествие. В описании воды Нила

чаще всего присутствуют прилагательные *мутная, темная, бурая, вязкая*. Река как будто бы затягивает, засасывает путешественников, мешая им продвигаться по выбранному маршруту. Необычный для воды красный цвет подмечает любой человек, впервые плавающий по Нилу: *Красноватая волна, принесенная встречным ветром, бросала нам в лицо брызги пены, а след, который тянулся за фелюгой, становился алым, словно отражал всполохи неба* [Нерваль, 1986, с. 158]. Такой цвет воды обусловлен особым составом прибрежной почвы и наличием специфических органических частиц в самой воде. Неподготовленного путешественника зрелище красных волн поражает и вызывает мистическое настроение.

С тоской вспоминает Нерваль о синих водах Босфора и зелени его берегов. Однообразный и выжженный солнцем египетский пейзаж навеивает уныние на писателя-романтика, побуждая его отправиться в дальнейшее путешествие и посетить Сирию, Ливан и Турцию. Совсем иную картину видит Нерваль в плавании по Средиземному морю. Море — второй представитель аквамира — в романе наделяется яркими сравнениями: *его прозрачная лазурь соперничала с небесной синевой, оно морицинилось волнами ближе к песчаной косе* [Нерваль, 1986, с. 201], а морские волны *нехотя разбивались о скалы* [Там же, с. 204]. Чувства восторга и удивления вызывает у Нерваля вид заснеженных вершин Ливанских гор и глубоких долин, где над многочисленными деревьями возвышаются монастыри. Этот пейзаж скорее напоминает альпийские предгорья и усиливает ощущение отсутствия сильной жары, которая так изнуряет в Азии: *Я наслаждаюсь жизнью в горах, в умеренном климате, среди людей, нравы которых мало чем отличались от нравов обитателей юга Франции* [Там же, с. 249]. Однако не забывает Нерваль и о восточном колорите, описывая европейскому читателю процесс сбора шелковичных коконов и извлечение тонких нитей. Такие «скачки» в представлении пейзажного пространства, от сравнения с европейским ландшафтом до экзотических описаний чисто восточной флоры и фауны, становятся отличительной чертой нервалевского повествования и присутствуют на протяжении всего романа.

4. Заключение

Ж. де Нерваль пытается осмыслить Восток с разных точек зрения — духовной, этнографической и литературно-художественной. Пейзаж для повествователя — это не только описание природы, но и ее гармоничное слияние с цивилизацией: *О природа! О красота и невыразимое изящество приморских городов Востока, волнующие картины кипучей жизни, парад самых красивых представителей человеческих рас, костюмов, скопление ло-*

док и кораблей на лазурной воде ... [Там же, с. 224]. Повествование в романе многомерно охватывает весь спектр взаимодействия природы и человека, от мирного сосуществования до разрушительно-враждебного отношения. Любопытными примерами могут служить, с одной стороны, спасение курицы, упавшей за борт во время плавания, с другой — жестокая вырубка плодовых деревьев в целом селении в наказание за оскорбление эмира.

Таким образом, Ж. де Нерваль в своем романе смог воссоздать достоверную картину Востока. Его ориентальный пейзаж не только насыщен экзотическими описаниями флоры и фауны, оживлен звуками местной природы, но и сопровождается ценными авторскими комментариями, дающими представление о национальной специфике сюжета. Исследуя разнообразие типов восточных национальных культур, Нерваль сосредотачивается на воссоздании «местного колорита» — центрального понятия романтической поэтики. Значимость описания городского ландшафта для Ж. де Нерваля свидетельствует о том, что он подчеркивает связь между природой, культурой и цивилизацией. Растительный пейзаж имеет разнообразные функции, выступая выразителем личных впечатлений и размышлений автора об истории, этнографической и национальной специфике культурных и природных явлений. Ж. де Нерваль в романе «Путешествие на Восток» создает особый архетипический комплекс, который становится устойчивым образцом для описания своеобразия восточного пейзажа.

Источники

1. *Нерваль Ж. де. Путешествие на Восток* / Ж. де Нерваль. — Москва : Наука, 1986. — 445 с.
2. *Nerval G. de. Voyage en Orient. Volume 1 : Les femmes de Caire; Druses et Maronites* [Electronic resource] / G. de Nerval. — Access mode : www.gutenberg.org (accessed 01.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Башляр Г. Избранное : Поэтика пространства* / Г. Башляр. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 376 с. — ISBN 5-8243-0489-0.
2. *Веселовский А. Н. Собрание сочинений* / А. Н. Веселовский. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1938. — Т. 16. — 368 с.
3. *Горбовская С. Г. Флорообраз во французской литературе XIX века* / С. Г. Горбовская. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. — 307 с. ISBN 978-5-4469-0746-5.
4. *Нужная Т. В. Мифологизация пейзажных элементов и их функции в повести Ф.-Р. де Шатобриана «Атала»* / Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 148—158.
5. *Нужная Т. В. Поэтология архитектурного пейзажа в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия»* / Т. В. Нужная // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. — 2018. — № 1. — С. 81—86.

6. *Нужная Т. В.* Пейзажные соответствия : Э. де Сенанкур и К. Д. Фридрих / Т. В. Нужная // *Фундаментальные и прикладные научные исследования : актуальные вопросы, достижения и инновации* сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции : в 3 ч. Ч 2. — Пенза : НАУКА и просвещение, 2018. — С. 39—43.

7. *Нужная Т. В.* Пейзажное пространство в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» / Т. В. Нужная // *Научный диалог*. — 2017. — № 1. — С. 97—104.

8. *Решетняк Н. В.* «Мистическая книга» Бальзака : от истоков — к художественному воплощению теософских идей : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Н. В. Решетняк. — Санкт-Петербург, 2007. — 218 с.

ORIENTAL LANDSCAPE IN THE NOVEL “JOURNEY TO THE ORIENT” BY G. DE NERVAL

© **Tatyana V. Nuzhnaya (2020)**, orcid.org/0000-0002-5662-1311, SPIN code 7139-6367, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of French Language and Literature, Russian State Hydrometeorological University (St. Petersburg, Russia), ta_nu@mail.ru.

The presented article continues the cycle of the author's research that reveals the specifics of the perception and artistic embodiment of various types of landscape space in French romantic prose. The relevance of the study is due to the appeal to the work of the unjustly forgotten French writer G. de Nerval, who in the novel “Journey to the Orient” was one of the first to acquaint the reader with the specifics of the eastern urban landscape, previously little known in European literature of the 19th century. Analysis of the novel shows that G. de Nerval tried to comprehend the East from different points of view: spiritual, ethnographic and literary and artistic. It is noted that the importance of describing the urban landscape for G. de Nerval testifies to his understanding of the importance of the links between nature, culture and civilization. It is noted that the floral landscape has various functions in his work: historical, ethnographic and national. As a result, it was established that G. de Nerval in his novel was able to recreate a reliable picture of the East: its oriental landscape is saturated not only with exotic descriptions of flora and fauna, enlivened by the sounds of local nature, but also has valuable author's comments that give an idea of the national specifics of the plot.

Key words: French literature; early French romanticism; G. de Nerval; landscape space, oriental landscape.

MATERIAL RESOURCES

Nerval', Zh. de. (1986). *Puteshestviye na Vostok* [Journey to the East]. Moskva: Nauka. 445 p. (In Russ.).

Nerval G. de. *Voyage en Orient, 1 : Les femmes de Caire; Druses et Maronites*. Available at: www.gutenberg.org. (accessed 01.08.2020). (In Fren.).

REFERENCES

Bashlyar, G. (2004). *Izbrannoye: Poetika prostranstva* [Favorites: the Poetics of space]. Moskva: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN). 376 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0489-0.

- Gorbovskaya, S. G. (2017). *Floeroobraz vo frantsuzskoy literature XIX veka* [Floreal in French literature of the nineteenth century]. Sankt-Peterburg: SPbGU. 307 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-0746-5.
- Nuzhnaya, T. V. (2016). Mifologizatsiya peyzazhnykh elementov i ikh funktsii v povesti F.-R. de Shatobriana «Atala» [Mythologization of landscape elements and their functions in the story of F.-R. de Chateaubriand “Atala”]. *Nauchny i dialog* [Scientific dialogue], 1 (49): 148—158. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2017). Peyzazhnoye prostranstvo v romane Zh. de Stal’ «Korinna, ili Italiya» [The Infinity space in the novel by Germaine de Stael, “Corinne, or Italy”]. *Nauchnyi dialog*, 1: 97—104. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2018). Poetologiya arkhitekturnogo peyzazha v romane Zh. de Stal’ «Korinna, ili Italiya» [Poetology of architectural landscape in the novel by J. de Stael “Corinna, or Italy”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Seriya 2. Iskusstvovedeniye. Filologicheskkiye nauki* [Bulletin of the Saint Petersburg state University of technology and design. Series 2. Art criticism. Philological science], 1: 81—86. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2018). Peyzazhnyye sootvetstviya: E. de Senankur i K. D. Fridrikh [Infinity matching: E. de Senancour and K. D. Friedrich]. In: *Fundamentalnyye i prikladnyye nauchnyye issledovaniya: aktualnyye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statey XXIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Landscape compliance: E. de Senancour and K. D. Frederick. Fundamental and applied research: current issues, achievements and innovation, collection of papers XXIII International scientific-practical conference], 3 (2). Penza: NAUKA i prosveshcheniye. 39—43. (In Russ.).
- Reshetnyak, N. V. (2007). «Misticheskaya kniga» Balzaka: ot istokov — k khudozhestvennomu voploshcheniyu teosofskikh idey. PhD Diss. [“Mystical book” of Balzac: from the origins — to the artistic embodiment of Theosophical ideas. PhD Diss.]. Sankt-Peterburg. 218 p. (In Russ.).
- Veselovskiy, A. N. (1938). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 16. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 368 p. (In Russ.).